Нулевая степень безумия

О том, что Все безумны

Афоризм *«Все безумны»* касается не всех существ на Земле, но исключительно говорящих существ, которые худо-бедно подчиняются коду языка и погружены в дискурс, создающий социальную связь. Безусловно, когда мы говорим, мы ирреализуем вещи, делаем их несуществующими – именно в этом смысл формулировки «слово есть убийство Вещи». Но безумцем говорящего делает именно то, что, говоря и тем самым делая Вещь несуществующей, он наделяет ее бытием. Мы знаем пример мадам Бовари [1], которая не существует и никогда не существовала, но бытие которой, тем не менее, обеспечивается произведением, придающим ей тело. Возьмем другой пример из Рассела: сказать, что король Франции лысый – это безумие, потому что король Франции не существует [2]. Более того, «следует отметить, что если человек, считающий себя королем, безумен, то король, считающий себя королем, не менее безумен [3]».

Защита от реального

Эта способность языка и дискурсов делать вещи несуществующими находится в ведении огромного устройства, который мы именуем Другим символического. Этот Другой, известный как символический, реально не существует. Вот каким образом он способен укрывать субъекта от того, что невыносимо в Реальном. Когда мы говорим, Вещь оказывается уничтоженной, означающие отсылают только к другим означающим, а их референты остаются пустым местом. Так что в конечном итоге всё, о чём мы говорим, – это о отсутствии сексуальных отношений. Когда объект *a* затыкает пустоту этого отсутствия, именно тогда наслаждение проявляется в качестве позитивированного, но остается невыразимым. Независимо от того, остается ли место референта пустым или закупоривается объектом *a*, Реальное в обоих случаях исключается из языка. Безумие, таким образом, служит универсальной (всеобщей) и структурной защитой говорящего существа от Реального. Оно получает свою поддержку от Другого, даже если разворачивается по-разному в структурах.

В своей *«Иронической клинике»* Жак-Ален Миллер описывает различные способы защиты, которые состоят в том, чтобы говорить о том, чего не существует. Невротик безумен, потому что он заставляет существовать Другого, помещая в него объект *a* как логическую консистентность своего фантазма, но также и как утраченный объект, вызывающий его желание. Параноик безумен, потому что он помещает наслаждение в Другого, тем самым придавая ему реальную консистентность. Несуществующий Другой становится «гурманом объекта *a* [4]». Он превращается в Другого, который существует, который конденсирует наслаждение и наслаждается субъектом.

Шизофрения – единственная среди клинических структур, которая не соответствует определению безумия как защиты от Реального посредством Другого [5], поскольку в ней отсутствует разрыв между Символическим и Реальным. Для шизофреника слово — это Вещь, или Символическое — это Реальное. Он не только не использует Другого для защиты от Реального, но через свою иронию атакует Другого в качестве Символического и в качестве социальной связи, поддерживаемой дискурсом. Поэтому шизофреник, погруженный в Реальное, не защищается от него.

Подобно шизофрении, которая является исключением среди клинических структур, психоанализ является исключением среди дискурсов по отношению к безумию, поскольку психоаналитическая практика не является защитой от Реального. Напротив, это этика, ориентированная Реальным.

Лакан подчеркивает, что в аналитическом дискурсе «нет ничего универсального (общего)», и «именно поэтому, – добавляет он, – он не является материей/предметом учения [6]». В качестве универсального/общего, учение относится к университетскому дискурсу, который дает экспон*ированное* знание, избегающее Реального. Психоанализу, в свою очередь, нельзя научиться; он передается при встрече один на один и производит предполагаемое знание, которое применимо только для Совсем Одного [7]. Когда это знание доводится до края, оно влечет за собой нарушение артикуляции S1 с S2, которая является условием универсального/общего знания. Те S1, которые изолируются в этой операции, не относятся к порядку отрицания, негативации, Реального. Напротив, они означают Реальное субъекта. В этом смысле аналитический дискурс вовсе не является безумием.

Афоризм *«Все безумны»* подразумевает тесную связь между двумя понятиями: он касается одновременно как учения и знания, с одной стороны, так и клиники бреда, с другой. Бред отвечает структуре знания. Ж.-А. Миллер представляет бред как S2, которое отвечает на недоумение, вызванное появлением элементарного феномена, который можно приравнять к S1 [8]. Согласно этой концепции, элементарный феномен имеет значение аксиомы, логического постулата, который столь же загадочен, сколь и необъясним. Бред — это S2, которое придает смысл этому несводимому и элементу вне смысла, который возникает в жизни субъекта.

Генерализация

Афоризм, ставший названием нашего конгресса, согласуется современной депатологизации, которая заменяет клинический принцип юридическим и замещает патологию стилем жизни [9]. Теперь, когда на основе этого афоризма, аналогом которого является утверждение, что *все нормальные*, мы считаем, что психических заболеваний и психозов больше не существует, мы отрицаем Реальное. Таким образом, демократизация клиники сама по себе становится формой безумия. Ж.-А. Миллер неоднократно отмечал, что концепции, выдвинутые Лаканом в отношении психоза, могут быть генерализованы по отношению к говорящему существу как таковому, не теряя при этом своей клинической ценности в контексте установления дифференциального диагноза.

Психический автоматизм – это Другой

Отметим вначале генерализацию, работающую на основании концепции, которая исходит из психиатрии и была разработана Клерамбо: психический автоматизм. Являясь «начальной формой всех психозов [10]», психический автоматизм представляет собой «независимое высказывание [11]», параллельный, автономный, чужой дискурс, который паразитирует на субъекте и проходит через него. Этот паразитизм сам по себе не является патологией, как предлагает Ж.-А. Миллер. Здесь это проявление Другого языка, который является уделом человека как такового. Этот тезис согласуется с высказываемым Лакана, которое звучит как рифма: «Он нормальный, автоматизм ментальный! [12]» (C’est normal, l’automatisme mental). Психотик, однако, отличается тем, что признает инородное присутствие этого Другого, который говорит через него, который время от времени говорит с ним и вторгается. Невротик, с другой стороны, не признает тот факт, что Другой говорит внутри него, и сохраняет иллюзию, что это он говорит, если только он не признает бессознательное. Генерализация феномена психического автоматизма не мешает нам, таким образом, отличать психоз от невроза.

Обыкновенная паранойя

В другом регистре, на этот раз Воображаемом, Ж.-А. Миллер рассматривает паранойю в терминах «первичных отношений с другим [13]», которые действительно имеют порядок генерализованной

паранойи. Эта концепция уходит корнями в связь, отстаиваемую Лаканом в его диссертации, между личностью и паранойей. Мы знаем, например, о трудностях, которые иногда возникают в клинической практике при различении Я (moi) параноика и укрепления Вобана [14], которое представляет собой Я в неврозе навязчивости, потому что какова бы ни была структура субъекта, Я является параноидальным. Это уже читается в «Отрицании» [15] Фрейда, в описании конструкции Я, которая состоит, по его словам, в размещении хорошего объекта внутри, в Я, и плохого объекта снаружи – это размещение плохого наслаждения, jouissance снаружи является способом параноидального отношения к другому. Стоит еще отметить, что эта концепция параноидального Я проходит через все учение Лакана, начиная со стадии зеркала, где господствует агрессивная логика «или ты, или я». И если учесть, что Я не только враждебно по отношению к другому, но и нарциссично, то можно говорить о паранойе как о норме, соотносимой с генерализованной или обыкновенной, ординарной манией величия.

Следует отметить, что конституирование Я в соответствии со стадией зеркала происходит в два такта. На первом такте, этапе организма, тело раздроблено. На втором такте строится единый образ тела, органы собираются воедино и артикулируются. В этих двух тактах зеркала мы находим два такта построения бреда, причем на втором такте Я выступает как безупречная, без трещин, сфера, которая оказывается эквивалентной бредовой конструкции. После стадии зеркала из единого образа своего тела субъект формирует фантазматический образ мира в виде сферической идеальной формы, подобно глобусу, украшающему афишу нашего XIV конгресса WAP. Ж.-А. Миллер подчеркивает, что эта генерализованная паранойя как первичное отношение к другому противоречит концепциям фундаментального понимания другого согласно интерсубъективным теориям [16]. Вместо того, чтобы быть понятным, другой является принципиально чужим и угрожающим.

Форклюзия: перенос измерения

Генерализованный бред, как мы его описывали до сих пор, представляет собой воображаемую или символическую конструкцию. Что касается форклюзии, в отличие от бреда, является не конструкцией, а отбрасыванием (rejet) элемента Символического регистра, который вновь появляется в Реальном. Ж.-А. Миллер называет этот переход от одного регистра к другому переносом измерения (*transfert de dimension)* [17]. Это явление проходит через все структуры.

Означающее отбрасывается (rejeté) в Реальное, когда оно конденсирует слишком много невыразимого наслаждения. Случай « Человека со свежими мозгами » Эрнста Криса, прокомментированный Лаканом [18], прекрасно демонстрирует, как невозможность означающего выдерживать влечение вызывает отбрасывание (rejet) в Реальном в форме отыгрывания (acting out). Здесь мы имеем дело с форклюзией, которая происходит не в контексте психоза, а в отношениях между аналитиком и анализантом. Можно считать, что вмешательство аналитика, который не принимает во внимание слова пациента как истину об оральном влечении, отказывает этому влечению в Символическом. Затем это снова проявляется в поведении пациента, который реализует это влечение в акте. Невыразимое, не услышанное аналитиком, вернулось в Реальное на стороне пациента.

При истерии также такой переход к Реальному может проявляться в пантомиме субъекта, то есть в его поведении в мире. Вспомним пациентку в представлении больного Лакана, которая слышит, как оскорбление «свиноматка»[19] возвращается в Реальном, свидетельствуя о невыразимом наслаждении, охватившем ее в тот момент, когда она пересеклась в коридоре дома с другом своего соседа. В тех же обстоятельствах, — пишет Ж.-А. Миллер, — истерический субъект не

услышал бы голос, но «не исключено, что оно бы вернулось в Реальное, например, в виде того, чтобы вести себя так, словно все мужчины — свиньи» [20]. В неврозе навязчивости именно взгляд отца может стать консистентным и вызвать серьезное торможение. Эта реальная консистентность взгляда является проявлением непристойности Сверх-Я, которое означающее не может в себя вместить, и которое, следовательно, отбрасывается из Символического и перемещается в Реальное.

Эта серия концепций, относящихся к психозу, обобщенных и приписанных говорящему существу parlêtre как таковому, ясно показывает, что афоризм *Все безумны* может сосуществовать с признанием Реального клиники. Тот факт, что эти явления проходят через психические структуры, не обязательно приводит к упразднению этих структур.

Форклюзия присущая лечению

Вернемся к вопросу об учении. Нужно быть безумным, — говорит Лакан, чтобы хотеть учить психоанализу в университетской модальности как излагаемого и универсального знания. Однако образование психоаналитиков лежит в основе работы школ WAP. Это означает, что если в психоанализе нет ни одного учения, которое имело бы смысл, то, как мы видели, существует возможность передачи от одного к другому. Но знание, поставленное на кон в этой передаче, отличается от знания, которое господствует, знания, агентом которого является господин. Это знание, которое вызывает ужас. Лакан также отмечает, что сомнительно, что кандидаты на анализ погрузились бы в опыт, если бы знали заранее, что субъективное разжалование записано на входном билете. Далее он говорит: «Просто запрещать то, что налагается нашим бытием, продолжает он, значит предлагать нам возвращение судьбы, которое является проклятием. То, что отвергнуто в Символическом, вспомним лакановский вердикт, вновь появляется в Реальном. [21] »

Другими словами, имеется форклюзия, присущая самому аналитическому лечению, когда отказываются от знания, которое проистекает из ниспровержения субъекта. Это разжалование, которое выпадает на долю субъекта в анализе, подразумевает, что то, чем он поддерживает себя — его страдания, его фантазмы, его идентификации, его жалобы, его расщепление и его предположение о знании — больше не могут быть использованы. Тогда субъект должен полагаться на свое собственное существование в качестве единственной точки уверенности, которая может ориентировать его этику. Это признание несуществования Другого соотносится с формой признания Реального. Это может вызвать «ужас, негодование, панику [22]», но это нулевая степень безумия.

Перевод: Елена Уразбаева, Ольга Ким

Ред.: Ирина Макарова

Перечитано с французского: Дарья Вайнштейн

[1] Miller J.-A., « L’orientation lacanienne. L’Un tout seul », enseignement prononcé dans le cadre du département de psychanalyse de l’université Paris 8, cours du 23 mars 2011, inédit.

[2] Miller J.-A., « La psychose dans le texte de Lacan », *Analytica*, no 58, 1989, p. 137.

[3] Lacan J., « Propos sur la causalité psychique », *Écrits*, Paris, Seuil, 1966, p. 170.

[4] Miller J.-A, « Clinique ironique », *La Cause freudienne*, nO 23, p. 11.

[5] *Ibid*., p. 7.

[6] Lacan J., « Lacan pour Vincennes! », *Ornicar ?*, no 17/18, printemps 1979, p. 278.

[7] Miller J.-A., « Tout le monde est fou, AMP 2024 », *La Cause du désir*, no 112, novembre 2022, p. 52. Texte d'orientation du congrès de l'AMP 2024. On y trouve plusieurs points qui sont ici développés.

[8] J.-A. Miller « L'invention du délire », *La Cause freudienne*, no 70, 2008, p. 81-93.

[9] Miller J.-A., « Tout le monde est fou, AMP 2024 », *op. cit*., p. 49-50.

[10] Miller J.-A., « Enseignements de la présentation de malade », *La conversation d'Arcachon*, Agalma – Le Seuil, 1997,p. 294.

[11] *Ibid*., p. 295.

[12] Lacan J., « Vers un signifiant nouveau », texte établi par Jacques-Alain Miller, *Ornicar ?*, no 17/18, printemps 1979, p. 22.

[13] Miller J.-A., « La paranoïa, rapport primaire à l'autre », *The Lacanian Review*, nO 10, décembre 2020, p. 56-90.

[14] Lacan J., « L'agressivité en psychanalyse », *Écrits*, *op. cit*., p. 108.

[15] Freud S., « La négation », *Résultats, idées, problèmes, II, 1921-1938*, Paris, PUF, 1992, p. 135-139.

[16] Miller J.-A., « La paranoïa, rapport primaire à l'autre », *op. cit*. p. 82.

[17] Miller J.-A., « Forclusion généralisée », *La Cause du désir*, no 99, juin 2018, p. 135.

[18] Lacan J., « La direction de la cure et les principes de son pouvoir », *Écrits*, *op. cit*., p. 598-600.

[19] Lacan J., « D'une question préliminaire à tout traitement possible de la psychose », *Écrits*, *op. cit*., p. 534-535.

[20] Miller J.-A., « Forclusion généralisée », *op. cit.* p. 135.

[21] Lacan J., « Proposition du 9 octobre 1967 sur le psychanalyste de l'École », *Autres écrits*, Paris, Seuil, 2001, p. 252.

[22] *Ibid*.